

Слезин А. А. Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920—1930-х годов / А. А. Слезин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 453—469. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469.

Slezin, A. A., Yakimov, K. A. (2022). Public Sentiment among Peasantry of “Revolutionary Turning Point” Generation at turn of 1920—1930s. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 453-469. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469

Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920—1930-х годов

Слезин Анатолий Анатольевич

orcid.org/0000-0002-9559-7553

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
anatoly.slezin@yandex.ru

Якимов Кузьма Александрович

orcid.org/0000-0003-1756-3515

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
gnom-gnom123@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Public Sentiment among Peasantry of “Revolutionary Turning Point” Generation at turn of 1920—1930s

Anatoly A. Slezin

orcid.org/0000-0002-9559-7553

Doctor of History, professor,
chief research scientist
anatoly.slezin@yandex.ru

Kuzma A. Yakimov

orcid.org/0000-0003-1756-3515

PhD in History,
senior research scientist
gnom-gnom123@mail.ru

Tambov State Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Настоящее исследование посвящено изучению особенностей общественных настроений крестьянства поколения «революционного перелома» (родившихся на рубеже XIX—XX веков). Актуальность выбранной темы заключается в необходимости осуществления комплексного исследования состояния общественного мнения сельчан на рубеже 1920—1930-х годов сквозь призму «поколенческого» среза. В статье на основе широкого пласта архивных документов и материалов периодической печати, большая часть которых вводится в научный оборот впервые, уделяется внимание анализу основных способов адаптации крестьянского менталитета в условиях проведения коллективизации сельского хозяйства. Особое внимание уделяется анализу источников возникновения и форм проявления протестных настроений крестьян. Проведенное исследование показало неоднозначное отношение крестьянства к коллективизации. Авторы приходят к выводу о том, что в большинстве случаев переход к коллективным хозяйствам вызывал недовольство среди сельчан, а сам колхозный строй ассоциировался с голодом и разорением. Показано, что значительная часть крестьянства поколения «революционного перелома» воспринимала политику государства на селе как возврат к дореволюционным порядкам. Отмечается, что перегибы в ходе раскулачивания способствовали усилению конфронтации между различными имущественными слоями крестьянства.

Ключевые слова:

крестьянство; поколение революционного перелома; нэп; коллективизация; общественные настроения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The paper studies characteristics of the public sentiment among peasantry of the “revolutionary turning point” generation (born at the turn of XIX—XX centuries). The relevance of the chosen topic lies in the need to carry out a comprehensive study of the state of public opinion of the villagers at the turn of the 1920—1930s through the prism of the “generational” section. Based on a wide range of archival documents and periodicals, most of which are introduced into scientific circulation for the first time, the paper focuses on the analysis of the main ways of adapting peasant mentality in the context of agricultural collectivization. Particular attention is paid to the analysis of the sources and forms of manifestation of the protest moods among peasants. The conducted research showed the ambiguous attitude of peasantry towards collectivization. The authors come to the conclusion that in most cases the transition to collective farms caused discontent among villagers, and the collective farm system itself was associated with hunger and ruin. It is shown that a significant part of peasantry of the “revolutionary turning point” generation perceived the state policy in the countryside as a return to the pre-revolutionary order. It is noted that the excesses during dispossession contributed to the intensification of the confrontation between the various property strata of peasantry.

Key words:

peasantry; revolutionary turning point generation; NEP; collectivization; public sentiment.

Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920—1930-х годов

© Слезин А. А., Якимов К. А., 2022

1. Введение = Introduction

Знания об общественных настроениях в периоды глубинных трансформационных преобразований важны для исторической науки хотя бы потому, что, с одной стороны, настроения в значительной степени предопределены характером самих преобразований, а с другой — отражают реакцию общества на планируемые и происходящие изменения, степень их общественной поддержки, практически предопределяют достижимость планируемого результата. Начальный период сплошной коллективизации является одним из переломных этапов в отечественной истории. Поэтому несомненна актуальность темы исследования общественных настроений крестьян, ставших участниками и жертвами происходящих тогда событий. Без изучения общественных настроений крестьян мы не можем сформировать целостное представление о развитии Отечества в эпоху социализма.

Объектом исследования является крестьянское поколение «революционного перелома», его взаимоотношения с государством, другими социальными группами, а главное — система взглядов, сложившаяся в крестьянской среде.

Как известно, актуализация методологии поколенческой истории связана с именем Т. Шанина. Он утверждал, что без поколенческой истории, без изучения фактора поколения многое в истории останется непонятым, а научная картина исторических событий будет не вполне четкой [Шанин, 2005, с. 11]. Понятия «революционный перелом» и «поколение революционного перелома» предложил Ю. А. Левада. Под понятием «революционный перелом» Ю. А. Левада подразумевает исторический период («условно 1905—1930 годы»), в который укладываются революционные события в России, события войн, Серебряный век российской культуры и время его преодоления. Активными участниками и жертвами переломного периода Ю. А. Левада называл родившихся «примерно в 90-х годах XIX века» [Левада, 2006, с. 34]. Обращая внимание на слово «примерно» в определении Ю. А. Левады, мы вслед за А. Ю. Вязинкиным [Вязинкин, 2022, с. 163] считаем правомерным расширение указанных хронологических границ. Мы воспринимаем поколения прежде всего как общности современников, сформировавшиеся в определенных исторических условиях, под влиянием значимых

исторических событий, независимо от их хронологического возраста. При этом обращаем внимание на выделение Ю. А. Левадой таких феноменов, как «ключевые» поколения, «разрывы» и конфликты между поколениями.

По нашему мнению, применительно к фундаментальной теме истории поколений одной из важнейших для отечественной историографии является проблема определения роли одного из «ключевых» поколений — поколения «революционного перелома» в судьбе русской деревни. Исследование феномена крестьянского поколения времени войн, реформ и революции, на долю которого пришлось коренное изменение поведенческой, в том числе и демографической модели развития сельского социума, как ответа на существующие вызовы эпохи модернизации и периода институциональных изменений, в первую очередь состоит в изучении общественных настроений, форм протеста крестьянства и моделей адаптации сельского социума. Статья является одним из этапов реконструкции судьбы одного крестьянского поколения ради изучения поведенческой модели всего сельского социума.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологическую основу данного исследования составляют принципы целостности, историзма и системности исторического познания. Принцип системности исторического познания дает возможность провести многосторонний и глубокий анализ общественных настроений крестьянства. Центром исторического познания признается человек, то есть в основе исследования лежит антропологический подход, что позволяет изучать свидетельства об общественных настроениях крестьян конца первой трети XX века, рассматривая их не только как носителей определенной идеологии, но и как выразителей особого («поколенческого») видения событий, происходящих в стране и мире.

В изучении общественных настроений мы опираемся на достижения современных исследователей в различных отраслях гуманитарных наук. Например, мы учитывали мнение Д. В. Ольшанского, считающего, что общественное настроение напрямую зависит от ожиданий индивидов, социальных групп или масс людей, с одной стороны, и объективной социальной реальности, с другой. Общественные настроения особенно ярко проявляют себя при несоответствии ожиданий и социальной реальности. Данные противоречия остро переживаются и индивидами, и массами, они могут носить как негативный (выражающийся в недоверии к власти, которая не способна соответствовать ожиданиям людей), так и позитивный характер (поддержка власти, оправдывающей ожидания масс) [Ольшанский, 2001, с. 204].

В социологии классическим определением общественного настроения стала формулировка Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко: «Это целостная

форма жизнеощущения, доминантная форма реально функционирующего общественного сознания и поведения, отражающая уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом, социальной группой и населением, различными организациями и институтами социальных установок, социальных целей и интересов, формирующихся под воздействием реальных экономических, политических и духовных процессов и в потенции реализуемых (или не реализуемых) в практической деятельности» [Тощенко и др., 1996, с. 32].

Надо отметить значительный вклад современных исследователей России и Беларуси в изучение общественных настроений крестьянства с позиций исторической науки [Дашкин и др., 2019; Кедров, 2013; Кузнецов, 2013; Надеждина и др., 2010; Покровская, 2022, Ходин, 2008 и др.]. Особое внимание обратим на констатацию В. И. Исаевым прямой связи условий формирования атмосферы нетерпимости 1930-х годов с психологией и мировоззрением крестьянской общины, с ее замкнутостью, недоверием и даже враждебностью к инакомыслящим, людям из города и вообще к чужим [Исаев, 2010, с. 170]. Весьма обоснованно многие современные исследователи обращают внимание и на конфликт поколений в это время [Гончарова, 2011; Кульгускина, 2002; Окуда, 2008].

Во многом наше исследование обусловлено введением в научный оборот новых источников, расширяющих представления об общественных настроениях крестьянства поколения «революционного перелома». Основу источниковой базы исследования составили материалы Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области. В первую очередь внимание исследователей было обращено к анализу писем, жалоб и обращений крестьян во власть, характеризующих их отношение к государственной политике на селе и политическим лидерам в целом. В целях изучения причин и содержания критических и антисоветских настроений сельчан рассматривались докладные записки и сводки ОГПУ, в которых давалась подробная информация о случаях проявления оппозиционного отношения общества к советской власти в ходе коллективизации. Не менее важным источником стали материалы периодической печати, освещающие состояние общественного мнения крестьянства на рубеже 1920—1930-х годов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Перегибы» в ходе коллективизации и реакция крестьянства

Охваченные стремлением перевыполнить партийные установки в ходе коллективизации, многие местные руководители игнорировали принципы

добровольности в организации колхозов. Трудно оценить масштабы произвола властных структур по отношению к крестьянству во время коллективизации, однако сохранившиеся в архивных документах факты свидетельствуют о явном отклонении от норм человеческих взаимоотношений. Особенно часто коллективизаторы пускали в ход всякого рода запугивания и угрозы. Так, председатель колхоза Лазаренко, проявивший активность в ходе раскулачивания, говорил: «Захочу — передеру всех единоличников. На то я — власть и председатель колхоза» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89 а, д. 22, л. 272]. Еще более аморально поведение председателя сельсовета Евтикова, угрожавшего на общем собрании крестьян задушить всех не желающих вступить в колхоз [Коммуна. 1930. 14 марта]. Похожее запугивания применялись и в ходе реализации хлебозаготовочных кампаний. В частности, в Пензенском районе уполномоченный от РИКа на собрании сельсовета заявлял: «Кто не будет сдавать излишки, к тем не будут нынче применяться льготы по сельхозналогу. Для них нормы доходности земли будут увеличены втрое» [Крестьянская газета. 1929. 1 марта].

В надежде на получение помощи «сверху» крестьяне направляли партийному руководству обращения, в которых критиковали произвол местных властей. Так, в письме крестьянина Ильинского, адресованном В. М. Молотову, отмечалось, что во время раскулачивания описывали имущество бедняков и середняков вплоть до старых галош и рваных рукавиц [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 16, л. 53]. Крестьянин Шишайский роптал на то, что при изъятии имущества отбирают все: «и чашки, и ложки, и бабьи рубахи, которые продаются за 10 копеек» [Там же, л. 193]. В селе Тамбовка в ходе раскулачивания представители сельских советов по ночам ломали двери, замки и уводили единственных лошадей [Там же, д. 21, л. 48]. Угрозы сжечь дом со стороны председателя колхоза Лазаренко стали причиной написания крестьянкой Алесиной жалобы, направленной В. М. Молотову [Там же, д. 22, л. 272]. Особое возмущение у крестьян вызывали необоснованные, ошибочные обвинения, которые в силу форсированных темпов коллективизации были нередким явлением. Вот характерный отрывок из письма раскулаченной на основе клеветнических показаний крестьянки Федоровой: «Мне это обидно до слез, и я потрясена этим горем. Ведь мы с мужем сочувствующие светлому социализму с 1905 года» [РГАСПИ, ф. Р. 74, оп. 1, д. 345, л. 56]. Схожие настроения были присущи середняку Кузнецову, по ошибке раскулаченному в 1929 году в силу своего уличного прозвища «поп» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 55, д. 2062, л. 154].

Очевидно, что перегибы в ходе коллективизации весьма болезненно воспринимались подавляющим большинством крестьянства. Особое недовольство вызывала принудительная конфискация скота и продовольствен-

ных товаров. К примеру, уехавший на заработки в город Кочергин заявлял: «У крестьян отбирают последних коров, скоро отбирать будет нечего — последнее доедаем» [ГАСПИТО, ф. П. 735, оп. 1, д. 170 а, л. 34]. Охваченный негодованием землекоп Филатов с возмущением говорил: «У меня в деревне отобрали корову. Грабят нас, а здесь эксплуатируют!» [Там же, л. 2]. Свое критическое отношение к действиям власти на селе мы находим в письме крестьянина Бирштейна: «Народ охвачен террором. Замучили его голодом и грабежом. Из-под носа у него уносят хлеб, сахар, — всю здоровую пищу и снабжают Европу, а здесь подсовывают навоз» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 16, л. 189]. Не менее показательно высказывался житель села Бокино Митянин: «Вот время подошло, мужику скот не дают разводить, забирают всех коров у бедняков и кулаков» [ГАСПИТО, ф. П. 735, оп. 1, д. 170а, л. 2]. Схожие настроения в присутствии товарищей высказывал взятый по линии ОГПУ Бодров: «Жизнь в деревне никуда не годится, разоряют крестьян. Сейчас лишнюю голову скота держать нельзя, так как все равно отберут» [Там же, л. 30].

Репрессии, затронувшие в ходе коллективизации не только «кулаков» и «середняков», но и значительную прослойку бедняцких хозяйств, стали одной из главных причин откровенного неприятия политики большевиков в деревне. Например, крестьянин деревни Сотьма Переяславского района обобщил настроения сельчан следующим образом: «Нам велят идти в колхоз, но в колхоз мы идти не хотим, так как не видим в нем ничего хорошего. Трех уже арестовали, а остальных запугали» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 55, д. 2062, л. 138]. Выступая на деревенском собрании, Караева высказалась от лица всех, кто не желал вступать в колхоз, следующим образом: «В колхоз мы не пойдем, колхозники ходят босые и голые, мы этого не хотим» [ГАСПИТО, ф. П. 735, оп. 1, д. 170а, л. 13]. Крестьянин-середняк Казадаев в беседе со школьной работницей заявлял: «Не пойду в колхоз до конца пятилетки, а там видно будет. Если будут загонять кнутом, может кое-кто пойдет, но “с битой лошади работу не спрашивай”. Посмотрим еще как в этом году колхозники будут сеять, мы помогать не будем». Малограмотный крестьянин Терехов в беседе среди рабочих говорил: «Советская власть ограбила крестьян, довела до нищенства, отобрала коров, лошадей, загоняет силой в колхоз, а там оставляет без хлеба и за работу не платят» [Там же, д. 170 б, л. 90].

В связи с распространенностью подобных настроений в деревне вполне понятно нежелание многих крестьян вступать в колхозы, которые ассоциировались у большинства сельских обывателей с нищетой и разорением. Неприятие крестьянством колхозного строя служило веским основанием для переезда в города в поисках альтернативных вариантов заработка. По подсчетам Ш. Фицпатрик, каждый третий вступивший в колхоз в 1929—

1932 годах оставлял крестьянский труд и становился наемным рабочим [Фицпатрик, 2008, с. 96].

3.2. «Раскулачивание» как фактор радикализации настроений внутри крестьянского социума

Необходимо заметить, что проводимая большевиками политика «чрезвычайщины» вызывала обострение взаимоотношений внутри крестьянского социума, природа конфликтов которого была во многом обусловлена прежними внутриобщинными противоречиями. Постоянные склоки и разброд становились повседневным явлением деревенского общества. Следуя логике обвинений официальной пропаганды, бедняки нередко считали именно зажиточных крестьян главными виновниками своего тяжелого материального положения, в то время как уравнилельные идеи приобретали среди них все большую популярность. Так, бедняк Курского округа в ходе изъятия у «кулаков» излишков заявил от лица деревенского большинства: «Не хотите добром подчиняться воле общества? Заставим силой!» [Крестьянская газета. 1929. 21 июня]. Похожие настроения были присущи бедняку из деревни Дуброва Тверской губернии: «Необходимо покрепче взяться за кулака, а партии проверить тех, кто его покрывает» [Там же, 14 мая]. В селе Ново-Кубанском бедняк Митников выступал со следующим требованием: «Нажать на них так, чтобы им никогда больше не было повадно гноить хлеб и скармливать его свиньям, когда целые районы терпят в нем нужду» [Там же, 21 июня].

При этом многие представители деревенской бедноты были готовы перейти от умозрительных рассуждений к решительным действиям. Одним из наиболее распространенных явлений был общественный бойкот бедноты по отношению к зажиточным крестьянам, отказывавшимся сдавать излишки [Там же]. Нередко бедняки участвовали в насильственном изъятии продовольствия у собственников зажиточных хозяйств. Таким образом, вокруг так называемых «кулаков» складывалась атмосфера нетерпимости, в то время как многие из них становились изгоями общества.

Однако и зажиточная прослойка крестьянства в ходе «классовой борьбы» в деревне усматривала «врагов» в бедняках, многие из которых в силу накопившихся обид активно содействовали раскулачиванию. Например, в селе Красная Дубровка «кулаки» зарубили топорами бедняка-председателя сельсовета; «кулак» Данюк осуществил поджог хозяйства председателя совета Целуйко; в селе Тирово местное кулачество прорубило топором череп батраку Корнееву, агитировавшему вступать в колхоз [Там же, 1 марта]. Все виновные были впоследствии приговорены к высшей мере наказания [Там же]. В Купянском округе были распространены случаи поджогов зажиточными крестьянами имущества сельских активистов, выполнявших постановление схода об усилении заготовок [Там же, 21 июня]. Трудно не

согласиться с мнением В. Б. Безгина и В. П. Николашина в том, что сложившаяся к началу 1930-х годов социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в деревне способствовала эскалации насилия [Безгин и др., 2019, с. 255]. Внутри раздираемого противоречиями крестьянского социума вырабатывалась психология вседозволенности, под влиянием которой разрушались традиционные устои деревенской жизни.

В то же время среди бедняков распространенным явлением было непонимание необходимости столь радикальных мер по борьбе с «кулачеством». Наглядным примером тому могут служить рассуждения крестьянина-бедняка Савостина: «Почему коммунистическая партия зовет бедняков и середняков на борьбу с кулаком? Ведь кулак — самый передовой, хозяйственный крестьянин на селе. Кулак не опасен, кулак полезен. Ведь у кулака есть большие запасы хлеба, в которых так нуждается государство» [Крестьянская газета. 1929. 14 октября]. По всей видимости, отнюдь не все бедняки были готовы к решительной и непримиримой борьбе с «чуждым классовым элементом». Многие из них, как это верно заметила Ш. Фицпатрик, рассматривали раскулачивание в качестве первого этапа общего наступления на село [Фицпатрик, 2008, с. 72].

3.3. Отношение крестьян к государственной политике на селе

В большинстве случаев сопротивление крестьян, недовольных коллективизацией, выразилось в отказе от вступления в колхоз и сокрытии личного имущества. Так, «кулак» Абрамов, проводивший антисоветскую агитацию, укрывал хлеб от колхозников [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 22, л. 264]. Середняк Селютин был приговорен к трем годам лишения свободы за то, что он уговаривал крестьян не вступать в колхозы, а беднячке Двоглазовой заявил: «Если ты вступишь в колхоз, то убирайся отсюда куда хочешь» [Там же, д. 15, л. 74]. Председатель сельского общества потребителей говорил: «Мое хозяйство крепкое, я и без коллектива проживу» [Крестьянская газета. 1929. 8 января].

Многочисленные письма и жалобы крестьян содержали сведения о недовольстве государственной политикой на селе, носившей принудительный характер. Вот характерный отрывок одного из них: «Насильно заставляют советская власть идти в колхозы, а если кто не желает — его лишают земли. Разве в начале революции так говорилось? Любкой гражданин получишь землю и работай на ней. А теперь хочешь-не хочешь, а иди в коллектив, а сказать что-либо против коллектива не смей. Так покажут где раки зимуют! Разве это мы такой свободы хотели?» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 16, л. 231]. Не менее иллюстративен отрывок из письма батрака Ульянова: «Мы живем в глуши здесь и мало знаем, что творится, но видим, что жить стало очень трудно. Нету ничего — ни товаров, ни продовольствия,

вследствие чего многие колхозники вышли из колхоза, а в нынешнем году не вступают» [Там же, л. 120 об.].

На основании анализа исторических источников можно утверждать, что среди крестьян укреплялось представление о несостоятельности колхозного строя. Как справедливо заметили А. П. Евдокимов и Т. Д. Надькин, переход мировосприятия мелкого собственника к культивируемым советской властью ценностям коллективизма происходил медленно и мучительно [Евдокимов и др., 2014, с. 155—156]. В частности, имевший связь с деревней чернорабочий Сайкин говорил: «В селе Бокино колхоз развалился и теперь развалится. Рано начали их строить, так как крестьяне не привыкли еще коллективно работать» [ГАСПИТО, ф. П. 735, оп. 1, д. 170 а, л. 29]. Ср. отрывок из письма районного землеустроителя Чиркова: «Колхозник в первое время коллективизации сравнительно скоро отвык от индивидуалистического “мое” и стал говорить про колхозное — “наше”, а уже с прошлого года говорит — не “наше”, а “ваше”. По ходу администрирования колхозники ждут, когда вместо колхозов будут совхозы, а они в них наемные рабочие» [Письма во власть..., 2002, с. 195]. Отдаление крестьянства от результатов своего труда приводило к ломке их ментальных установок, основанных на традиционных патриархальных ценностях. Вместо привычной частной собственности появилась общественная, которую большинство крестьян отождествляло с государственной, не считая себя совладельцами колхозной земли и имущества.

По всей видимости, незаинтересованность колхозников в результатах своего труда становилась одной из главных причин их низкой производственной активности. В частности, помощник заведующего Белагинского совхоза Гридаев с револьвером в руках гонялся за женщинами по огородам, чтобы загнать их работать в совхозе [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 22, л. 133]. Однако подобные злоупотребления со стороны советских работников только усиливали недоверие крестьянства к власти. Так, рассуждая о тяжелом положении колхозников, крестьянин из Минской губернии отмечал: «Никогда мы не думали, что советская власть будет нас так угнетать. Когда читаем газеты, в которых написано, что очень большой гнет и преследования крестьян в буржуазных республиках, то прямо так и не верим. Ибо хуже не может быть чем у нас, в СССР» [Там же, д. 16, л. 231].

Еще одним объектом крестьянского недовольства были хлебозаготовительные кампании. Как показывают сохранившиеся источники, в большинстве случаев сопротивление хлебозаготовкам было связано с острой нехваткой хлеба на селе и нежеланием крестьян добровольно сдавать хлеб по заниженным ценам [РГАСПИ, ф. М. 1, оп. 23, д. 873, л. 84]. Например, крестьянин Никуленко во время беседы о хлебозаготовках говорил: «Са-

ним есть нечего! Последние семена забирают! Сеять чем будем?» [Крестьянская газета. 1929. 19 апреля]. После того как крестьянину Токарю предложили продать излишки в кооперацию, он возразил: «Никогда не повезу им свой хлеб. Пусть хоть передохнут все без него» [Там же, 21 июня].

Неудивительно, что особое упорство в сопротивлении сдаче излишков хлеба проявили зажиточные крестьяне. Так, на предложение комиссии по проверке хлебных излишков «кулак» Волобуев заявил: «Умру на своих мешках, но хлеб в кооперацию не отдам» [Там же]. Еще более радикально на собрании, созванном уполномоченным по хлебозаготовкам, выражался зажиточный крестьянин Клименко: «Ни одного кило хлеба не дам советской власти, лучше свиньям скормлю. Вот если бы гетман вернулся — тысячи не пожалел. А сейчас пусть пухнут с голоду все, кто ждет хлеба от советской власти» [Там же, 19 апреля]. В некоторых случаях сопротивление хлебозаготовкам зажиточной части крестьянства принимало более агрессивные формы протеста. Так, в селе Петраки крестьяне, названные в советской печати «кулаками», сожгли секретаря сельсовета Ступака, активно работавшего по хлебозаготовкам [Там же, 8 октября].

Вместе с тем некоторые бедняки также выступали против плана хлебозаготовок, опасаясь недовольства со стороны зажиточных крестьян, к которым они нередко в случае необходимости обращались за продовольствием. К примеру, колхозник Усачев, выступая на собрании артели, говорил: «Может быть, мне придется идти за хлебом к кулаку. Если я буду голосовать за план — кулак мне откажет. Куда я тогда пойду?» [Там же, 12 ноября]. В селе Большая Араковка женщины-крестьянки выступили с криками: «Не дадим кулаков в обиду! Не трогайте их хозяйства! Прекратить хлебозаготовки! Проучить хлебозаготовителей!» [Там же, 8 октября]. При этом местные власти очень чутко реагировали на подобные настроения, однако к уголовной ответственности за произвол, как правило, привлекали только «классовых» врагов, которых считали главными агитаторами и подстрекателями антисоветских веяний.

Ужесточение налогового законодательства не только стимулировало крестьян вступать в колхозы, но и служило одной из причин роста критических настроений сельчан. Тяжести налогового бремени крестьянства в 1929 году весьма иллюстративно охарактеризовал крестьянин Петров: «Наше крестьянство на одиннадцатом году Революции подходит к самому тупику, то есть к нищенству, и в этом всецело виновата партия со своими декретами. В настоящее время крестьяне придавлены налогами, которые и не дают развития крестьянства... Крестьянство — это “Медведь”. Пока ему было возможно, он лежал в своей берлоге. Но его выжили, и теперь он издает свои рычания ненависти и выжидает удобной минуты, чтобы опять

бороться за свое существование, за что уже боролся, но проиграл» [Письма во власть..., 2002, с. 60]. Заканчивает свои рассуждения Петров мыслью о том, что к социализму не удастся прийти без новой революции [Там же].

Учитывая характер общественных настроений крестьянства, можно утверждать, что в сознании наиболее радикально настроенной его части складывалось представление о неизбежности новой гражданской войны и революционной смене власти. В частности, крестьянин Бондарского района Кудрявцев говорил: «Скоро придет такое время, как было в период бандитизма, тогда мы всем вам отрубим головы и будем издеваться так, как над нами издевается советская власть» [ГАСПИТО, ф. П. 735, д. 170а, л. 13]. В письме на имя А. И. Рыкова содержатся свидетельства не менее характерных настроений крестьянства: «Масса готова идти на новые баррикады против произвола. Ждем лишь вождя. И если не Вы, то найдется другой вождь, который с большим мужеством, опираясь на народ, напомним мерзавцам сталинским об их издевательствах и пресечет последних» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 15, л. 117].

Распространенным явлением среди сельчан было отношение к коллективизации как к «расплате» бывших помещиков за революционные потрясения тех, кто лишил их собственности. Ср. отрывок из коллективного письма крестьян Львовского округа: «Мы раньше этого не переносили, как в 1930 году в свободной стране всего мира... Это делают те помещики-капиталисты, они мстят за свои имения... И по всему видно, что крестьянин грабил помещика, вел скот, а теперь с крестьян начали драть» [Письма во власть..., 2002, с. 143]. При этом нередко основным виновником тягот колхозной жизни крестьяне считали лично Сталина: «Крестьянство все шлет проклятие Сталину» [Там же, с. 144]. Проводившиеся крестьянами сравнения жизни при Ленине с жизнью при Сталине, как правило, были не в пользу последнего. Рассмотрим характерный отрывок из письма крестьянина Щитова: «Многие крестьяне каждую трудную минуту вспоминают о В. И. Ленине. Если бы он был жив, тогда бы не было такого беспорядка» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 55, д. 2062, л. 139].

В некоторых случаях недовольство властью в сельской местности носило ярко выраженный национальный колорит, чему во многом способствовал антисемитизм сельских обывателей. К примеру, в единоличной беседе крестьянин Ерохин заявлял: «Гады ВКП(б), особенно Сталин, Орджоникидзе, Кржижановский, Молотов. Сейчас власть принадлежит грузинам, армянам, которые довели страну до гибели. В деревне выгребают до тла хлеб у колхозников, а про единоличников и говорить нечего — у тех все отобрали. Хуже, чем при барщине, тогда хоть хлеба и мяса было в волю, а сейчас этого нет — вот и свобода» [ГАСПИТО, ф. П. 735, оп. 1, д. 170 б, л. 100]. Не менее показателен отрывок из письма крестьянина, адресованного на имя А. И. Рыкова: «К чему и куда ведет страну проклятый Сталин?

Долго ли русское крестьянство будет страдать под игом кавказской рванины и палестинского жидовья?» [ГАРФ, ф. Р — 5446, Оп. 89 а, д. 15, л. 117].

Многие крестьяне, сравнивая свою жизнь в период коллективизации с дореволюционными порядками, нередко отдавали предпочтение последним. Вот характерный пример настроений крестьянина Новикова: «До революции жили гораздо лучше. Крестьянин имел возможность свободно продавать продукты, а рабочий покупать то, что ему нужно. Теперь же, при советской власти, благодаря проведению коллективизации, мы этого делать лишены возможности» [ГАСПИТО, ф. П. — 735, оп. 1, д. 170а, л. 98]. Крестьянин-бедняк Кувшинов на собрании колхозников заявил о своем выходе, аргументировав его следующим образом: «Такая коллективизация хуже барского гнета» [Крестьянская газета. 1929. 14 октября]. Среди зажиточных крестьян распространенным явлением были слухи о возврате к мерам военного коммунизма [РГАСПИ, ф. М. 1, оп. 23, д. 773, л. 86].

Были и те, кто воспринимал политику советской власти на рубеже 1920—1930-х годов в деревне как возврат к дореволюционным порядкам, нередко отождествляя большевиков и помещиков. Например, Вавилов, отказываясь вступать в колхоз, заявлял: «Коллективизация крестьян приведет вновь к крепостному праву — тяжелому принудительному труду» [ГАСПИТО, ф. П. 735, оп. 1, д. 170 а, л. 67]. Не менее характерен отрывок из письма крестьянина-бедняка: «Мы очень рады, что от барщины избавились, а вдруг советская власть нам ее возвращает обратно. Разве это по справедливости?» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 16, л. 231]. Рассуждая о ходе коллективизации в деревне, чернорабочий Барсуков отметил: «При советской власти барщины не должно быть, а ее хотят сделать, загоняя мужика в колхозы. Работай там на чужого дядю» [ГАСПИТО, ф. П. 735, оп. 1, д. 170а, л. 77]. Схожи рассуждения крестьянина Лепешкина: «К власти пролезли бывшие помещики и управляют страной, приводя ее постепенно к разрухе. У мужика отобрали орудия производства, скот, а теперь загоняют силой в колхоз, чтобы восстановить старые помещичьи имения и возвратиться вновь к крепостному праву» [Там же, л. 96]. Как видим, русское крестьянство, принимавшее активное участие в борьбе за свое освобождение в годы революций и Гражданской войны, относилось к вступлению в колхоз как к новому крепостному состоянию. Очевидно, подобное отношение во многом обусловило апатию и безынициативность колхозников, что, несомненно, отражалось и на результативности их хозяйственной деятельности.

Были те, кто считал ошибкой переход от новой экономической политики к «чрезвычайным» мерам в деревне. Причинами подобных рассуждений среди крестьян были опасения остаться без урожая и столкнуться с проблемой голода. Так, уроженец Тамбовской губернии Михаил Степанович заяв-

лял: «Если бы не кричали о проведении разных кампаний и не обирали мужиков, опять жилось бы хорошо. Ведь в 1926 году жить было гораздо лучше, чем сейчас. Если бы политику 1926 года проводили бы в данное время, то поднялось бы благосостояние сельского хозяйства. Нет ничего удивительного в том, что при такой политике мы останемся без хлеба» [Там же, л. 62].

В действительности материальное положение большинства крестьян к началу 1930-х годов оказалось крайне тяжелым. В конечном счете, их боязнь столкнуться с голодом оказалась реальностью. Обратим внимание на весьма симптоматичный отрывок из письма колхозника Николаева: «У нас в день умирает по 20—3 человек. Я очевидец как собаки съели колхозницу-беднячку Телясникову в селе Гирсовка. Кони голодают с колхозниками вместе, конюх умирает в конюшне с лошадьми. Местные власти запуганы арестами и боятся донести до правительства» [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 21, л. 222—223]. В селе Маслово в 1932 году колхозники с голоду съели 10 мертвых лошадей [Письма во власть..., 2002, с. 180]. Вместе с тем наглядны и отдельные человеческие судьбы. Так, в письме колхозницы Аlesiной, направленном В. М. Молотову, отмечалось, что ее муж и шестеро детей умерли от голода весной 1933 года во время посевных работ в колхозе [ГАРФ, ф. Р. 5446, оп. 89а, д. 22, л. 272].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, характер и содержание общественных настроений крестьянства поколения «революционного перелома» на рубеже 1920—1930-х годов свидетельствуют о критическом отношении сельчан к коллективизации. Причинами недовольства государственной политикой на селе были как многочисленные перегибы в ходе раскулачивания, так и острая проблема дефицита хлеба в деревне. Будучи свидетелями произвола местных властей, многие крестьяне разочаровывались в идеалах революции, символами которой для них был свободный труд и отсутствие эксплуатации. В большинстве случаев в сознании сельских обывателей колхозный строй отождествлялся с крепостным состоянием и новой эксплуатацией. На фоне этого распространенным явлением становятся слухи о возвращении к дореволюционным порядкам, в которых нередко отождествляли большевиков и помещиков. Исследование показало, что основным виновником тяжелого материального положения крестьяне считали лично Сталина, однако были и те, кто надеялся на получение помощи «сверху» в борьбе с произволом местных властей.

Вместе с тем активное привлечение бедняков к политике раскулачивания обостряло взаимоотношения внутри крестьянского социума, что нередко приводило к открытым формам конфронтации на селе. В некотором смысле участие в насильственном лишении зажиточных крестьян имуще-

ства стало возможностью выплеснуть накопившиеся обиды. Тем не менее даже среди собственников бедняцких хозяйств были те, кто был возмущен репрессивными мерами в отношении «кулачества».

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив* Российской Федерации. Ф. Р. 5446. Оп. 55. Д. 2062. Л. 138, 139, 154, Ф. Р. 5446. Оп. 89а. Д. 15. Л. 74, 117. Ф. Р. 5446. Оп. 89а. Д. 16. Л. 53, 120 об., 193, 189, 231. Ф. Р. 5446. Оп. 89 а. Д. 21. Л. 48. Ф. Р. 5446. Оп. 89а. Д. 22. Л. 264, 272.
2. ГАСПИТО — *Государственный архив* социально-политической истории Тамбовской области. Ф. П. 735. Оп. 1. Д. 170а. Л. 2, 13, 29, 30, 34, 62, 67, 77, 96. Ф. П. 735. Оп. 1. Д. 170б. Л. 90, 100.
3. *Коммуна*. — 1930. Март.
4. *Крестьянская газета*. — 1929. Январь-ноябрь.
5. *Письма во власть*. 1928—1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов, О. В. Хлевнюк. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 525 с. — ISBN 5-8243-0283-9.
6. РГАСПИ — *Российский государственный архив* социально-политической истории. Ф. Р. 74. Оп. 1. Д. 345. Л. 56. Ф. М. 1. Оп. 23. Д. 873. Л. 84. Ф. М. 1. Оп. 23. Д. 773. Л. 86.

Литература

1. *Безгин В. Б.* Политика коллективизации и крестьянское сопротивление (по материалам Козловского округа Центрально-Черноземной области) / В. Б. Безгин, В. П. Николашин // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 243—259. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-243-259.
2. *Вязинкин А. Ю.* Поколение “революционного перелома” в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии / А. Ю. Вязинкин // Вопросы истории. — 2022. — № 7—2. — С. 153—165. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46.
3. *Гончарова И. В.* Конфликт «отцов и детей»: новое прочтение (участие молодежи Центрального Черноземья в политических кампаниях 1928—1930 гг. в деревне / И. В. Гончарова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2011. — № 2. — С. 3—7.
4. *Дашкин Р. А.* Слухи как отражение общественно-политической ситуации в сельских уездах Нижегородской губернии в период нэпа / Р. А. Дашкин, В. А. Сомов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2019. — № 1. — С. 22—27.
5. *Евдокимов А. П.* Социальное поведение крестьянства Мордовии в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг.: от конфронтации к адаптации / А. П. Евдокимов, Т. Д. Надькин // Гуманитарные науки и образование. — 2014. — № 4. — С. 153—156.
6. *Исаев В. И.* «Выявить и уничтожить»: сибирские комсомольцы в поисках «врагов народа» / В. И. Исаев // ЭКО. — 2010. — № 3. — С. 158—171.
7. *Кедров Н. Г.* Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы / Н. Г. Кедров. — Москва : Политическая энциклопедия, 2013. — 280 с. — ISBN 978-5-8243-1815-9.
8. *Кульгускина Л. В.* Социально-психологический облик поколений “отцов” и “детей 1930-х гг.” / Л. В. Кульгускина // Известия Алтайского государственного университета. — 2002. — № 4. — С. 34—40.
9. *Кузнецов И. А.* Политическая культура крестьянства и политический режим в СССР в 1920—1930-е гг. / И. А. Кузнецов // Государственная власть и крестьянство

в XIX — начале XXI века. — Коломна : Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2013. — С. 482—484.

10. *Левада Ю. А.* Ищем человека : Социологические очерки, 2000—2005 / Ю. А. Левада. — Москва : Новое издательство, 2006. — 384 с. — ISBN 5-98379-070-6.

11. *Надеждина В. А.* Эволюция общественно-политических настроений рабочих и крестьянства Оренбургской губернии в годы НЭПа (1921—1929 гг.) / В. А. Надеждина, П. М. Кайбышева. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. — 147 с. — ISBN 978-5-7477-2752-6.

12. *Окуда Х.* «От сохи к портфелю» : деревенские коммунисты и комсомолцы в процессе раскрестьянивания / Х. Окуда // История сталинизма : итоги и проблемы изучения. — 2008. — С. 495—527.

13. *Ольшанский Д. В.* Основы политической психологии / Д. В. Ольшанский. — Екатеринбург : Деловая книга, 2001. — 496 с. — ISBN 5-88687-098-9.

14. *Покровская Т. Ю.* Религиозная память крестьянства в 30-х годах XX века в селах Черноземья России / Т. Ю. Покровская // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. — 2022. — Т. 8. — № 1. — С. 108—117. — DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-10.

15. *Тощенко Ж.* Социальное настроение / Ж. Тощенко, С. Харченко. — Москва : Academia, 1996. — 195 с. — ISBN 5-87444-043-7.

16. *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы : деревня / Ш. Фицпатрик ; [пер. с англ. Л. Ю. Пангина]. — 2-е изд. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. — 422 с. — ISBN 978-5-8243-1012-2.

17. *Ходин С. Н.* Социальные идеалы и изменения в социальной психологии крестьянства Беларуси в 1920-е гг. / С. Н. Ходин // Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. — 2008. — № 1. — С. 13—17.

18. *Шанин Т.* История поколений и поколенческая история / Т. Шанин // Человек. Сообщество. Управление. — 2005. — № 3. — С. 6—25.

Material resources

Commune. (1930). March. (In Russ.).

Letter to vlast. 1928—1939. Applications, complaints, denunciations, letters to state structures and Soviet wars. (2002). Moscow: ROSSPEN. 525 P. ISBN 5-8243-0283-9. (In Russ.).

Peasant newspaper. (1929). January-November. (In Russ.).

Russian Archival Socio-political History. F. R. 74. Op. 1. D. 345. L. 56. F. M. 1. Op. 23. D. 873. L. 84. F. M. 1. Op. 23. D. 773. L. 86. (In Russ.).

State Archive of the Russian Federation. F. R. 5446. Op. 55. D. 2062. l. 138, 139, 154, F. R. 5446. Op. 89a. D. 15. L. 74, 117. F. R. 5446. Op. 89a. D. 16. L. 53, 120 vol., 193, 189, 231. F. R. 5446. Op. 89 A.D. 21. L. 48. F. R. 5446. Op. 89a. D. 22. L. 264, 272. (In Russ.).

State Archive of Socio-political History of the Tambov region. F. P. 735. Op. 1. D. 170a. l. 2, 13, 29, 30, 34, 62, 67, 77, 96. F. P. 735. Op. 1. D. 170r. L. 90, 100. (In Russ.).

References

Bezgin, V. B., Nikolashin, V. P. (2019). Policy of Collectivization and Peasant Resistance (Based on Materials of Kozlovsky District of Central Chernozem Region). *Nauchnyi dialog*, 6: 243—259. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-243-259 (In Russ.).

Dashkin, R. A., Somov, V. A. (2019). Rumors as a reflection of the socio-political situation in rural counties of the Nizhny Novgorod province during the NEP period. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 1: 22—27. (In Russ.).

- Evdokimov, A. P. (2014). Social behavior of the peasantry of Mordovia in the late 1920s — the first half of the 1930s: from confrontation to adaptation. *Humanities and Education*, 4: 153—156. (In Russ.).
- Fitzpatrick, Sh. (2008). *Stalin's peasants. Social History of Soviet Russia in the 30s: village. 2nd ed.* Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin. 422 p. ISBN 978-5-8243-1012-2. (In Russ.).
- Goncharova, I. V. (2011). The conflict of “fathers and children”: a new reading (participation of the youth of the Central Chernozem region in the political campaigns of 1928—1930 in the village. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2: 3—7. (In Russ.).
- Isaev, V. I. (2010). “To identify and destroy”: Siberian Komsomol members in search of “enemies of the people”. *ECO*, 3: 158—171. (In Russ.).
- Kedrov, N. G. (2013). *Lapiti Stalinism. Political consciousness of the peasantry of the Russian North in the 1930s.* Moscow: Political Encyclopedia. 280 p. ISBN 978-5-8243-1815-9. (In Russ.).
- Khodin, S. N. (2008). Social ideals and changes in the social psychology of the peasantry of Belarus in the 1920s. *Bulletin of the BDU. Gray 3, History. Filosofiya. Psichology. Palitalogia. Satsyalogiya. Ekanomika. Rights*, 1: 13—17. (In Russ.).
- Kulguskina, L. V. (2002). Socio-psychological appearance of the generations of “fathers” and “children of the 1930s”. *Proceedings of the Altai State University*, 4: 34—40. (In Russ.).
- Kuznetsov, I. A. (2013). The political culture of the peasantry and the political regime in the USSR in the 1920s—1930s. In: *State power and the peasantry in the XIX — early XXI century.* Kolomna: Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute. 482—484. (In Russ.).
- Levada, Yu. A. (2006). *Looking for a man: Sociological essays, 2000—2005.* Moscow: New Publishing House. 384 p. ISBN 5-98379-070-6. (In Russ.).
- Nadezhdina, V. A., Kaibysheva, P. M. (2010). *Evolution of socio-political sentiments of workers and peasantry of the Orenburg province during the years of the NEP (1921—1929).* Ufa: RIC Bashgu. 147 p. ISBN 978-5-7477-2752-6. (In Russ.).
- Okuda, H. (2008). “From the plough to the portfolio”: village Communists and Komsomol members in the process of disbanding. *The history of Stalinism: results and problems of study*. 495—527. (In Russ.).
- Olshansky, D. V. (2001). *Fundamentals of political psychology.* Yekaterinburg: Business Book. 496 p. ISBN 5-88687-098-9. (In Russ.).
- Pokrovskaya, T. Y. (2022). Religious memory of the peasantry in the 30s of the twentieth century in the villages of the Chernozem region of Russia. *Scientific result. Social and humanitarian studies*, 8 (1): 108—117. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-10. (In Russ.).
- Shanin, T. (2005). The history of generations and generational history. *Man. Community. Management*, 3: 6—25. (In Russ.).
- Toshchenko, J., Kharchenko, S. (1996). *Social mood.* Moscow: Academia. 195 p. ISBN 5-87444-043-7. (In Russ.).
- Vyazinkin, A. Yu. (2022). Generation of “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village of the first third of the XX century: problems of historiography. *Questions of History*, 7—2: 153—165. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 09.07.2022,
одобрена после рецензирования 02.10.2022,
подготовлена к публикации 25.10.2022.